

П. Ю. Львов

Даша, деревенская девушка

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В исходе августа, привелось мне побывать в милой моей стороне, где шумноводная Индома {Кто читал в 9-й части Иппокрены пьесу под названием "Матвеевское, или Мое сельское препровождение времени", тому известна и милая мне Индома, напоющая добротворною водою своею мои луга и стада.} роскошно тенет среди тенистых рощ по зеленым лугам и ведет вечную брань с седыми камнями, претящими путь сердитым волнам ее. В это время начинает у нас показываться туманная осень; начинают желтеть деревья, дымчатые иссиня облака, дождем богатые, стелются слоями по воздуху и потемняют ясную лазурь неба; красные дни бывают реже, утра становятся холоднее, а вечера пасмурнее.

Но как бы то ни было, я не могу без ощущения особого удовольствия приблизиться к сим местам моего прежнего обиталища. Коль скоро я завижу мои леса, мои поля, мои рощи и ветхую кровлю моего сельского дома, то мгновенно душа моя ощутит некое приятное влияние непостижимого какого-то доброго гения; как будто пренесуся я в новый мир; бытие мое распространится на все мною созерцаемое; мне все тут представится любезным, все близким к сердцу. Я мысленно беседую с землею и советуюсь о ее плодородии, рассуждаю с каждым деревом и кустиком о пользе их; соглядаю, сбережены ли по нивам и злачным берегам реки те дары, коими природа их ущедрила. Ах! Коль сладок тот кусок хлеба, который мы честным трудом приобретаем!.. Как я назову сие чувство кроткой радости, искреннего во всем участия, усердного обо всем рачения? Как назову сию прилепленность души к каждой вещи, от меня зависящей?.. Уже ли это есть любовь собственности?.. Скажите, человеки! Не она ли нудит бедного европейца идти в новый свет и решиться преплыть бурные моря, хотя на каждом ревущем валу видит он грозящую ему смерть? Не она ли заставляет воина проливать кровь свою на пределах отечества, чтоб только не допустить врага разорить теплый прародительский угол? Не ею ли подвизаемый земледелец предпочитает тяжкое изнурение приятства покоя? Не она ли есть могущая сила всех сил ваших и побудительная причина всех ваших действий? Боже! Благослови ее, если она служит во благо человеку и ближнему его: тогда она добродетель; но будь она проклята, ежели сопряжена с обидою соседу! Тогда она зло, вредное общему добру, противное богу и людям.

Два дня шел дождь; крупные капли его жужжали по широким листьям растущего перед домом моим хмеля, стучали в стекла и рокотали по желобам над окнами. Я унывал вместе с природою. На третий день солнце разбудило меня яркими своими лучами. Я обрадовался светлому утру и спешил в поле, на луга, на берег реки, хотел вдруг быть везде. Казалось, будто все мне улыбалось, на что бы я ни взглянул. Везде усыпано было алмазною пылью: так блистала трава, униженная росой. Когда человек доволен и весел, видит ли он, как летит время? Я не приметил, как прошел день, ясный, теплый; наступил вечер, тихий, румяный, лучший осенний вечер.

Новое наслаждение сельским удовольствием! Предавшись моей задумчивости, бродил я. по долинам и в кустах; повсюду сопутствовало мне безмолвие: оно более и более питало мои мечты. Индома здесь разливалась между двумя зелеными пригорками; была неколебима, подобно зеркалу; едва слышен был гул вдали враждующих волн ее; маститые сосны и развесистые березы, окруженные мраком своим, дремали над нею; все располагало мою душу к размышлению. Воображение представило мне прошедшие годы моей жизни, мои напасти, случаи моих радостей и печалей и то, что было мною когда почувствовано, чего когда желал я и чего удалялся; явились предо мною все те, кто мне были милы и постылы, кого лишился я и о ком поднесь крушуся, и те, коих трату придется, может быть, мне оплакать; отрадны надежды, прискорбны сомнения, неизвестность и страх о том, что вперед со мною случится долженствует и что будет за пределом жизни сей,-- все, все это вилось вокруг сердца моего; все это, соединясь со впечатлениями, важным лицом природы произведенными, так растрогало мой дух, что мне казалось, будто я перешел уже за роковую черту мира сего и будто существую уже в том свете, где время, суeta и горесть неизвестны.

Долго утопал бы я в сем море коловратных дум, если бы нежные голоса, вблизи от меня раздавшиеся, не пленили слух мой. Я поднимаюсь на пригорок и вижу трех девушек: самой старшей из